

- Bolus M., Conard N.** The late Middle Paleolithic and earliest Upper Paleolithic in Central Europe and their relevance for the Out of Africa hypothesis // *Quaternary International*. – 2001. – N 75. – P. 29 – 40.
- Demidenko Y.E., Usik V.I.** The problem of changes in Levallois technique during the technological transition from the Middle to Upper Paleolithic // *Paléorient*. – 1993a. – N 19. – P. 5 – 15.
- Demidenko Y.E., Usik V.I.** On the Levallois technique in the Upper Palaeolithic // *UISPP, XIIe Congres*. – 1993b. – Vol. 2. – P. 239 – 242.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Nikolaiev S.V., Rybin E.P.** The Kara Bom site: Mousterian to Late Paleolithic evolution of the lithic industry in the Altai // *Anthropozoikum*. – 1999. – N 23. – P. 167 – 180.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P.** The Kara Bom site and the characteristics of the Middle-Upper Paleolithic transition in the Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2000. – N 2. – P. 33 – 52.
- D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J.** Neanderthal acculturation in Western Europe? // *Current Anthropology*. – 1998. – N 39, supplement. – P. 1 – 44.
- Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice** / Ed. K. Valoch. – Praha: Academia, 1976. – 120 p.
- Ginter B., Kozłowski J.K., Laville H., Sirakov N., Hedges R.E.M.** Transition in the Balkans: News from the Temnata Cave, Bulgaria // *The last Neandertals, the first anatomically modern humans* / Eds. E. Carbonell, M. Vaquero. – 1996. – P. 169 – 200.
- Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G.** Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence, Lower Austria // *Archaeologia Austriaca*. – 1996. – N 80. – P. 25 – 42.
- Kozłowski J.K.** The problem of cultural continuity between the Middle and Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam. – Cambridge: Peabody Museum, 2000. – P. 77 – 105.
- Kuhn S., Stiner M., Güleç E.** Initial Upper Paleolithic in south-central Turkey and its regional context: A preliminary report // *Antiquity*. – 1999. – N 73. – P. 505 – 517.
- Prehistory and paleoenvironment in the Central Negev, Israel** / Ed. A.E. Marks. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1983. – Vol. 3.
- Škrdla P.** The Bohunician Reduction Strategy // *Quaternaria Nova*. – 1996. – N 6. – P. 93 – 107.
- Svoboda J.** Note on a Palaeolithic industry from Wadi Buzna, Fezzan // *Anthropologie*. – 1997. – N 35. – P. 11 – 15.
- Svoboda J.** Mladeč and other caves in the Middle Danube region: Early modern humans, late Neandertals, and projectiles // *Les premiers hommes modernes de la Péninsule ibérique. Actes du colloque de la Commission VIII de l'UISPP*. – Lisboa, 2001. – P. 45 – 60.
- Svoboda J.** Continuities, discontinuities and interactions in Early Upper Paleolithic technologies. View from the Middle Danube // *Another World. The Early Upper Paleolithic East of the Danube: 65th Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Philadelphia, April 5 – 9, 2000* / Eds. P.J. Brantingham, K. Kerry, S. Kuhn (in press).
- Stránská skála.** Early Upper Paleolithic occupations in the Brno Basin, Czech Republic / Eds. J. Svoboda, O. Bar-Yosef (in press).
- Svoboda J., Škrdla P.** The Bohunician technology // *The definition and interpretation of Levallois technology* / Eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 429 – 438.
- Temnata Cave.** Excavation in Karlukovo Karst area, Bulgaria / Eds. B. Ginter, J.K. Kozłowski, J.L. Guadelli, H. Laville. – Kraków: Jagellonian University, 2000. – Vol. 2. – P. 1. – 418 p.
- Tostevin G.** Behavioral change and regional variation across the Middle to Upper Paleolithic transition in Central Europe, Eastern Europe, and the Levant: Ph. D. Dissertation. – Harvard: University, Department of Anthropology, 2000.
- Valoch K., Nerudová Z., Neruda P.** Stránská skála III – Ateliers des Bohunicien // *Památky archeologické*. – 2000. – N 91. – S. 5 – 113.
- Vedrovice V,** eine Siedlung des Szeletiens in Sudmähren // *Quartär* / Ed. K. Valoch. – 1993. – N 43/44. – P. 7 – 93.

Материал поступил в редколлегию 16.04.2001 г.

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: anna@neuro.pri.pu.ru*

КОММЕНТАРИИ К СТАТЬЕ М. ОТТА И Я.К. КОЗЛОВСКОГО “ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ”

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту продолжает привлекать внимание исследователей, в свет выходит много новых сборников и монографий по данной тематике. К сожалению, большинство авторов ограничивается анализом материалов Европы и Ближнего Востока. Безусловно, имеющиеся в нашем распоряжении сведения по другим частям Евразийского материка пока несопоставимы с богатейшими данными по упомянутым регионам. Это заставляет рассматривать проблему почти исключительно с точки зрения технико-типологического анализа каменного инвентаря, опуская не менее важные аспекты культурно-хозяйственной трансформации древних обществ на этом рубеже (расположение стоянок на местности, функциональная дифференциация памятников, вопросы связи стоянок и источников сырья, характер структур обитания и охотничье-собирательской деятельности и др.).

Обсуждаемая статья представляет собой редкий для европейских исследователей “прорыв” за традиционные географические рамки рассмотрения темы. Широту предпринятого сравнительного анализа азиатских индустрий можно только приветствовать. К сожалению, обратившись к сибирским материалам, М. Отт и Я.К. Козловский допустили ряд досадных неточностей, на которых я хотел бы остановиться.

Вопрос об антропологическом типе носителей мустьерских индустрий Алтая остается не столь определенным, как это представляется авторам статьи. Действительно, первоначальная идентификация К. Тернером [Turner, 1990] антропологических остатков из пещер Окладникова и Денисовой как неандертальских получила широкое распространение в литературе. Заметим, что ведущий отечественный антрополог

В.П. Алексеев [Alexeev, 1998] был не столь категоричен в оценке останков из алтайских пещер. Отмечая архаичность одного из зубов, он указывал на недостаточность признаков на одонтологических остатках для определения антропологического типа (*Homo sapiens sapiens* или *Homo neandertalensis*) древнего населения. Примерно той же точки зрения придерживается Е.Г. Шпакова. “...Можно лишь с большой долей условности, – пишет она, – отнести зубы из пещер Алтая к неандертальским одонтологическим образцам” [Шпакова, Деревянко, 2000, с. 137]. В свете отсутствия однозначной связи культуры и антропологического типа (мустье – неандерталец, верхний палеолит – *Homo sapiens*) допустимо предположить, что носителями культуры мустьерских индустрий Алтая могли быть представители ранних *Homo sapiens* или, как думает Е.Г. Шпакова, метисированных популяций.

Мустьерские индустрии Сибири, вопреки мнению М. Отта и Я.К. Козловского, не столь однородны [Археология..., 1998], они разделяются на ряд вариантов, хотя их хронологическое расчленение и интерпретация – дело явно преждевременное. Пока же, следуя принятым для среднего палеолита условным критериям, можно выделить мустье типичное с умеренным развитием леваллуазской техники (Денисова пещера), своеобразный вариант мустье типичного с обилием угловатых скребел (пещера Окладникова), леваллуа – мустье (пещеры Страшная, Двуглазка, Усть-Канская, Тюмечин I, находки из Тувы и Приангарья), а также не вполне ясные нелеваллуазские непластинчатые индустрии, основанные на технике радиального скалывания. К ним относятся коллекции из Тюмечина II, а также пещеры Каминная, хотя в последней на облик изделий наложила свой отпечаток необычайная грубость

сырья. Спецификой отличается мустье с листовидными бифасами (Мохово II, раскоп 1 стоянки Усть-Каракол I), возможно, наиболее позднее из отмеченных фаций.

Общий облик мустьерских индустрий указывает на юго-западное направление культурных связей сибирского среднего палеолита со Средней Азией и Восточным Средиземноморьем. Вместе с памятниками Монголии мустье Сибири может рассматриваться как крайний восточный форпост распространения мустье [Ранов, 1990].

Переход от мустье к верхнему палеолиту в Сибири происходил примерно в том же хронологическом интервале, что и в Европе. Для Северной Азии характерно крайне медленное обогащение мустьерской в своей основе индустрии верхнепалеолитическими элементами. Таким образом, грань между финальным мустье и начальным верхним палеолитом размыта. Новые данные по Кара-Бому [Дервянко и др., 1998] свидетельствуют о том, что начало этого процесса относится к более раннему периоду (вплоть до времени порядка 43 тыс. лет), чем было принято считать, и о длительном периоде сосуществования средне- и верхнепалеолитических индустрий. Происхождение верхнего палеолита в Сибири пока не может быть с уверенностью связано с миграцией *Homo sapiens*.

Культурная дифференциация индустрий на раннем этапе верхнего палеолита прослеживается очень слабо. Верхнепалеолитические комплексы Северной Азии, датированные временем от 34 до 27 тыс. лет, несмотря на разные степени изученности, характеризуются схожей в основных своих проявлениях культурой, распространенной от Алтая, по крайней мере, до Забайкалья. Можно выделить группу ранних алтайских пластинчатых индустрий, представленных на памятниках Кара-Бом, Кара-Тенеш, 3-й слой раскопа 1 Усть-Каракола I, Ануй I, Малояломанская. Несомненное сходство с ними имеют пластинчатые индустрии, разбросанные на огромной территории Приангарья (стоянка Арембовского) и Забайкалья (Толбага, Варварина Гора, Сохатино I, комплекс А Каменки I, Подзвонкая) [Археология..., 1998; Sitlivy, Medvedev, Lipnina, 1997; Константинов, 1994; Лбова, 1996; Ташак, 1996]. В основе всех их лежит технология получения крупных длинных пластин с плоских ядрищ. Сохраняется много черт леваллуазской техники. Интересно, что наряду с одно- и двуплощадочными плоскими леваллуазскими треугольными и дисковидными формами нуклеусов фиксируется зарождение техники снятия мелких пластинок с торца ядрища. Эта технологическая линия может рассматриваться в качестве предшественника известной в последующие периоды техники изготовления клиновидного нуклеуса. В орудийном наборе доминируют разнообразные ретушированные пластины, остроконечники, остря,

скребла, много зубчато-выемчатых форм, проколки. Для ряда комплексов характерен прием подработки овального основания ретушированных пластин и остроконечников ретушью на брюшке, напоминающих эмирейские остря. Отметим выразительные серии резцов и скребков. В алтайских памятниках зафиксированы листовидные бифасы. Нетрудно заметить, что эти комплексы сохраняют много леваллуа-мустьерских черт и, вероятно, генетически связаны с местным средним палеолитом.

В то же время в Забайкалье как будто прослеживается иная линия развития ранних верхнепалеолитических индустрий: без признаков леваллуазской техники, основана на скалывании отщепов с простых форм одноплощадочных нуклеусов. Она представлена материалами стоянки Приисковой. Индустрия сохраняет в своей основе мустьерский облик (там много скребел, чопперов), но при этом демонстрирует признаки зарождения микропластинчатой техники, многочисленные серии долотовидных изделий, острей, скребков и др. [Карасёв, Колосов, Крушевский, 1996].

Касаясь начального этапа верхнего палеолита в Сибири, нельзя не отметить появления здесь типично верхнепалеолитических элементов культуры, которые нашли отражение в свидетельствах развитой обработки кости (Толбага, Каменка I), украшениях (Малояломанская, Военный Госпиталь, Каменка I, Подзвонкая) и произведениях изобразительного искусства (Толбага).

Ранняя верхнепалеолитическая индустрия слоев 8 – 11 Усть-Каракола I, датированных 35 – 29 тыс. лет, своеобразна и содержит ряд ориньякских черт. Для нее характерно появление развитой микропластинчатой техники. Среди орудий представлены скребки высокой формы, скребла, резцы. Однако до полной публикации материалов памятника трудно судить о характере индустрии, и вывод М. Отта и Я.К. Козловского о наличии ориньяка в Сибири мне представляется преждевременным. Конечно, отдельные ориньякские элементы присутствуют в разновременных памятниках Сибири (Сабаниха, Малая Ся, Мальта, Ачинская, Ушлеп VI и др.), но они нигде не образуют того сочетания, которое присуще европейскому и ближневосточному ориньяку. Вообще поиск выхваченных из контекста единичных “ориньякских”, “граветтийских” или “мадленских” аналогий в палеолите разных территорий планеты мне представляется мало перспективным, если учитывать ограниченность технических решений, доступных людям верхнего палеолита при изготовлении каменных орудий.

Вопрос о датировке нижнего комплекса курлинских стоянок на Байкале остается в сущности открытым. Речь идет о находках из 2-го горизонта пунктов Курла II и III, демонстрирующих чрезвычайно развитую микропластинчатую индустрию, хорошо сопоставимую с технокомплексами поздней поры верхнего

палеолита региона. Вряд ли единственная упоминаемая в статье радиоуглеродная дата порядка 24 тыс. л. н. может служить надежной опорой для установления возраста этих слоев и тем более для утверждения о раннем сложении микропластинчатой индустрии в Восточной Сибири. Фауна всех слоев Курлы достаточно однородна, стратиграфия и палинологические данные также не дают оснований для категоричного удреждения комплекса. Отметим, что автор раскопок и другие исследователи считают указанную дату ошибочной [Шмыгун, 1981; Sitlivy, Medvedev, Lipnina, 1997].

Вызывает недоумение перечисление мальтинской, афонтовской и кокоревской культур в качестве представителей индустрий средней поры верхнего палеолита Сибири. Это утверждение справедливо для основного комплекса Мальты, датированного временем порядка 21 тыс. лет, но не применимо для афонтовской культуры (и близких к ней вариантов типа кокоревской культуры), поскольку она не старше 16–17 тыс. лет. Названные культуры сформировались после культурных перестроек, связанных с максимумом сарганского оледенения, и знаменуют собой позднюю стадию сибирского палеолита.

Утверждения М. Отта и Я.К. Козловского, касающиеся характера палеолита Восточной Сибири, не вполне корректны. Ориньякские элементы (округлые скребки высокой формы, пластины с перехватом, скребки на ретушированных пластинах) давно отмечены в индустрии Мальты, хотя их появление здесь можно объяснить только конвергенцией. Кроме того, некоторые из ориньякских элементов (изделия с приглушенной спинкой) известны в разновозрастных индустриях Восточной Сибири. Серии таких пластинок зафиксированы на памятниках усть-мензинского комплекса в Западном Забайкалье, относящихся к поздней поре верхнего палеолита [Константинов, 1994].

Еще одна проблема, получившая отражение в статье М. Отта и Я.К. Козловского, касается происхождения докловисских листовидных бифасов от сибирских прототипов. Аутентичность артефактов пресловутой “культуры сандия” давно вызывает сомнения практически у всех исследователей палеолита Северной Америки (подробный разбор вопроса см.: [Preston, 1995]).

В заключение отмечу, что размещение стоянок начала верхнего палеолита на палеогеографической карте периода максимума сарганского оледенения (рис. 13 в рецензируемой статье) не логично, поскольку речь идет о памятниках значительно более раннего возраста, относящихся к различным стадиям сложнопостроенного каргинского отрезка.

В целом выдвинутая в статье гипотеза азиатского происхождения ориньяка и его последующего распространения на запад кажется мало обоснованной фактами. Скорее она вызывает в памяти популярные в XIX в. версии азиатского происхождения палеолити-

ческого человека в Европе [Cartailac, 1897]. И хотя эти версии повторяются в миграционных схемах, изложенных в западной [Otte, Keeley, 1990] и отечественной [Аникович, 1999] археологии палеолита, однако, по моему мнению, сегодня не стоит возвращаться к методологии А. Брейля и Д. Гаррод. Я полностью присоединяюсь к развернутой критике подобного подхода к палеолитическим материалам, представленной Д. Кларком и Д. Линдли [Clark, Lindly, 1991]. Они отмечали непригодность переноса моделей направленных миграций из поздней доистории в эпоху палеолита, когда при малой плотности населения и простоте форм социальной организации не возникало известных в позднейшее время стимулов для миграций. Кроме того, появление сходных типов каменной индустрии может быть обусловлено не только передвижением групп населения, но и распространением культурных элементов путем диффузии. При крайней расплывчатости хронологии палеолита в большинстве случаев невозможно определить очаг и направление предполагаемой миграции. Напомним в связи с обсуждаемой темой, что даты для самых ранних ориньякских памятников в Европе древнее, чем для Ближнего Востока, так что сама идея миграции ориньяка из Азии ставится рядом исследователей под сомнение (новейшее обсуждение различных взглядов на эту спорную проблему см.: [Zilhão, d'Errico, 1999]).

Благодарности

Хотелось бы выразить признательность З.А. Абрамовой, С.Н. Астахову, А.П. Деревянко, Р.С. Васильевскому, В.Т. Петрину, С.В. Маркину, М.В. Шунькову, Н.Д. Оводову, Ю.В. Гричану, Г.И. Медведеву, М.П. Аксенову, И.И. Кириллову, М.В. Константинову, А.В. Константинову, В.К. Колосову, С.Г. Васильеву и другим археологам за предоставленную возможность ознакомиться с коллекциями памятников, упоминаемых в моем комментарии. Инициатива главного редактора журнала, организовавшего широкое международное обсуждение интересной статьи М. Отта и Я.К. Козловского, заслуживает всяческого одобрения, ибо только благодаря подобного рода дискуссиям нам удастся избежать нередких в прошлом искажений в оценке материалов по палеолиту России.

Список литературы

Аникович М.В. О миграциях в палеолите // *Stratum Plus*. – 1999. – № 1. – С. 72–82.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Фенденёва, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Карасёв В.В., Колосов В.К., Крушевский В.В.** Палеолитическое поселение Приисковое // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1996. – С. 70 – 97.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во ИОН БНЦ РАН, 1994. – 179 с.
- Лбова Л.В.** Брянский палеолитический комплекс // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1996. – С. 5 – 10.
- Ранов В.А.** О восточной границе мустьерской культуры // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 262 – 268.
- Ташак В.И.** Палеолитическое поселение Подзвонка // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1996. – С. 48 – 69.
- Шмыгун П.Е.** Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. – М.: Наука, 1981. – С. 120 – 128.
- Шпакова Е.Г., Деревянко А.П.** Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.
- Alexeev V.P.** The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia. – Urbana: University of Illinois Press, 1998. – P. 329 – 335.
- Cartaillac E.** Des lumières que l'archéologie préhistorique russe peut projeter sur l'Europe occidentale // Tr. VIII археологического съезда. – М.: Тов. тип. А.И. Мамонтова, 1897. – Т. 4. – С. 84 – 86.
- Clark G.A., Lindly J.M.** On paradigmatic biases and Paleolithic research traditions // Current Anthropology. – 1991. – Vol. 32, N 5. – P. 577 – 587.
- Otte M., Keeley L.H.** The impact of regionalism on Paleolithic studies // Current Anthropology. – 1990. – Vol. 31, N 5. – P. 577 – 582.
- Preston D.** The mystery of Sandia Cave // The New Yorker. – 1995. – June 12. – P. 66 – 83.
- Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A.** Les civilisations préhistoriques de l'Asie centrale. – Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1997. – 87 p.
- Turner C.G.** Paleolithic Siberian Dentition from Denisova and Okladnikov Caves, Altaiskiy Kray, USSR // Current Research on the Pleistocene. – 1990. – N 7. – P. 65 – 66.
- Zilhão J., d'Errico F.** The chronology and tafonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction // Journal of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13, N 1. – P. 1 – 68.

Материал поступил в редколлегию 20.03.2001 г.

УДК 903.211.1

**А.П. Деревянко¹, А.И. Кривошапкин¹, А.А. Анойкин¹, У.И. Исламов²,
В.Т. Петрин¹, Б.К. Сайфуллаев², Р.Х. Сулейманов²**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: derev@paleo.archaeology.nsc.ru; shapkin@paleo.archaeology.nsc.ru;

anton@paleo.archaeology.nsc.ru; nohrina@paleo.archaeology.nsc.ru

²Институт археологии имени академика Я. Гулямова АН РУз.

ул. Академика Абдуллаева, 3, Самарканд, 703051, Республика Узбекистан

E-mail: archaeo@online.ru

РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ УЗБЕКИСТАНА: ИНДУСТРИЯ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ (по материалам слоев 2 – 14)*

Введение

Территория Северной и Центральной Азии в настоящее время привлекает пристальное внимание археологов в связи с тем, что является своего рода “транзитным мостом” между древними человеческими популяциями, населявшими Восточную Азию, и остальной частью палеолитической ойкумены. В частности, накопленные за последние 10 – 15 лет данные по финалу среднего и ранним этапам верхнего палеолита Северной и Центральной Азии позволяют по-новому взглянуть на ряд вопросов, принципиальных для понимания развития культуры человека в этот период каменного века. Формирование каменных индустрий раннего верхнего палеолита (РВП) связано с несколькими вариантами эволюции технологии расщепления камня. Как признается ныне большинством специалистов, для большей части Евразии характерно формирование индустрий, основывавшихся преимущественно на параллельной призматической технологии утилизации нуклеусов. Выделяется несколько основных регионов существования подобных комплексов: Центральная и Юго-Восточная Европа (Богунце и Бачо-Киро), Ближний Восток (Бокер-Такит, Кзар-Акил), Средняя Азия (Оби-Рахмат, Худжи), Горный Алтай (Кара-Бом, Усть-Каракол-1). Несмотря на оп-

ределенную специфику культурного облика ранневерхнепалеолитических индустрий указанных регионов, выделяется ряд общих технико-типологических признаков, среди которых наиболее значимыми являются следующие: (1) доминирование производства пластин, получаемых с нуклеусов, сочетающих в себе как верхнепалеолитические, так и леваллуазские черты; (2) появление верхнепалеолитической техники подправки ударной площадки нуклеуса; (3) относительно высокий индекс фасетированности; (4) доминирование среди леваллуазских сколов удлинённых остроконечников; (5) преобладание в орудийном наборе верхнепалеолитических типов (скребки, резцы, долотовидные орудия, ножи с обушком и т.д.) и ретушированных пластин (в том числе остроконечных).

Синхронность появления (около 50 – 40 тыс. л.н.) и близость основных технико-типологических показателей этих комплексов позволяет говорить о трансконтинентальном единообразии пластинчатых индустрий ранней поры верхнего палеолита. Неизбежно возникает вопрос о причинах подобной унифицированности индустрий. Было ли это обусловлено конвергентным технологическим развитием (адапционно-функциональная модель) или же филогенетическим родством носителей ранневерхнепалеолитических культур? Решение данного вопроса, на наш взгляд, неразрывно связано с более общей проблемой появления и распространения на территории Евразии человека современного типа (мультирегиональность или распространение из одного центра). Одним из ключевых моментов решения этого вопроса, с

* Работа выполнена при финансовом содействии Президиума СО РАН (грант по поддержке молодежных проектов) и РФФИ (проект № 00-06-80193).